

щие верхом на лошадях.⁴⁰ Средства выражения, сходные с предыдущим памятником: строгость и сосредоточенность лиц, наличие дополнительных атрибутов — копий с вымпелами, собранность композиции — придают и этой иконе характер величия и торжественности. Введение в композицию коней, мерно шагающих нога в ногу, в физически осязаемом ритме, не снижает, а, напротив, усиливает содержательность и емкость образа.

Другая московская икона Бориса и Глеба, XIV в., из Коломны,⁴¹ возвращает нас к старому иконографическому изводу. Парно стоящие в рост фигуры князей-братьев, кажется, еще более объединены свойственным древнерусскому искусству неподражаемым ритмом. Лица Бориса и Глеба вносят новый аспект в их целостный образ, выражая не столько идею величия, сколько идею возвышенного благородства и благочестия.

Все перечисленные произведения живописи, при желании, могли бы быть прокомментированы литературными портретами князей из южно-русских и среднерусских памятников.

Уже столь ранний литературный памятник, как «Сказание» о Борисе и Глебе, дает не только восторженное описание внешних портретных черт своих героев: «Сей убо Благоверный Борис... теломь бяше красен, высок, лицемь круглом, плечи велице, тонок в чресла, очима добраама... борода мала и ус... светяски цесарски... всячески украшен, аки цвет цветный в уности своей»⁴² и т. д. — широко известный портрет, по существу лежший в основу многих изобразительных памятников. Сказание дает образам своих героев и совершенно недвусмысленную интерпретацию: «По истине вы цесари цесарем и князя князем, ибо ваю пособиемь и защищенемь князи наши противу вьстающая държавно побеждают и ваю помощю хваляться. Вы бо тем и нам оружие, земля Русскыя забрала и утвержение и меча обоуду остра».⁴³

Южнорусские, Владимирская и Галицко-волинская летописи, «Сказание» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Рускыя земли», Житие Александра Невского, ярославские и тверские княжеские жития, не исключая в отдельных случаях отрицательных характеристик, всегда, однако, держали перед собой сияющий незапятнанной чистотой высокий идеал «князей грозных», «святящихся цесарски», «в ратех храбрых, в советах мудрых», «сильных, как Самсон, премудростью равных Соломону, храбростью — римскому царю Веспасиану», не имеющих «от главы и до ног порока» и т. д. и т. д.

«Задонщина», «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» и другие литературные памятники раннего московского времени⁴⁴ дополнили этот идеал воинской доблести и государственной мудрости высотой душевных качеств, примерной религиозностью, благочестием, преданностью церкви князей, «от самых пелен бога возлюбивших», «о духовных делесех прилежавших», «о церквах божиих заботившихся», и т. д. и т. п.

⁴⁰ История русского искусства, т. III, рисунок на стр. 83.

⁴¹ Собр. Гос. Третьяковской галереи (далее: ГТГ), № 28757. — История русского искусства, т. III, рисунок на стр. 79.

⁴² Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им, стр. 51.

⁴³ Там же, стр. 49.

⁴⁴ В более поздних памятниках княжеские характеристики нивелируются, княжеские жития сближаются с житиями преподобническими, обезличиваются литературными схемами и стандартами (см.: Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 284—295).